

**ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ СВОБОДЫ В ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ
И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (сравнительный анализ)**

Г. В. Аллахвердиев

**THE EVOLUTION OF THE IDEA OF FREEDOM IN THE HISTORY OF THE EASTERN
AND WESTERN PHILOSOPHICAL THOUGHT (comparative analysis)**

G. V. Allahverdiyev

Анализируется проблема, связанная с понятием свободы в Западной и Восточной философской мысли. Выясняются причины различных взглядов на свободу в этих двух регионах. Обосновывается мысль о том, что на Западе отличительная черта заключается в действии совершенной системы правовых норм, защищающих автономность личности, её свободу от возможных нападков со стороны государства. На Востоке же более широко обсуждался индивидуальный, личный аспект, его общие стороны, связанные с человеческим достоинством. Обосновывается, что преимущественным в понимании свободы на Востоке является индивидуальная свобода, а на Западе – социальная свобода. Доказывается, что индивидуальная свобода является важным фактором духовного и общего развития человека. Показывается, что идея свободы на Западе опирается больше на рациональный образ мышления, а в образе жизни и мышления Востока приоритет имеет эмоциональная сторона, рациональность находится в ограниченном масштабе. Подводится итог, что Восток и Запад выступают как две различные, своеобразные модели единого общечеловеческого процесса самопознания, стоящие иногда в отношении друг к другу на альтернативных позициях. Доказывается необходимость синтеза особенностей понимания свободы, выявленных в Западной и Восточной философской мысли, для эффективной реализации идеала свободы всего человечества.

The paper analyzes the problem related to the notion of freedom in Western and Eastern philosophy. The reasons of the different views on freedom in these two regions are investigated. The author justifies the idea that the distinctive feature of the West is the action of a perfect system of legal norms protecting the autonomy of the individual and their freedom from possible attacks by the state. While in the East, the individual, personal aspects, and their common features related to human dignity are more widely discussed. The article substantiates that in the East the individual freedom is primary in the understanding of freedom, while in the West it is social freedom. Individual freedom is proved to be an important factor of spiritual and general development of the human being. The paper proves that the idea of freedom in the West is based more on rational trends of thoughts, but in the East the emotional side has the priority in the way of life and thinking, rationality is limited. To sum up, the East and the West represent two different peculiar models of the single human process of self-knowledge, sometimes being alternative to each other. The necessity of synthesis freedom conceptualization features identified in the Western and Eastern philosophical thought for the effective implementation of the ideal of freedom of all mankind is being demonstrated.

Ключевые слова: свобода, Восточная и Западная философская мысль, культура Востока, рациональная и эмоциональная стороны свободы, свобода воли, внутренняя свобода субъекта, индивидуальная свобода, социальная свобода, просветительство.

Keywords: freedom, Eastern and Western philosophical thought, culture of the East, rational and emotional sides of freedom, will-power, internal freedom of the subject, individual freedom, social freedom, enlightenment.

Исследование основных этапов и своеобразия эволюции отношения к свободе в истории философской мысли Запада и Востока с точки зрения всестороннего и глубокого осмысления теоретических концептуальных основ постановки этой проблемы в современной социальной философии имеет исключительное значение. Актуальность настоящего вопроса также объясняется необходимостью осуществления диалога культур, научных и духовных ценностей Востока и Запада в условиях современной глобализации. Из сказанного становится понятным, что сейчас выяснение своеобразных и общих черт свободы с точки зрения ее понимания в образе мышления и теоретической мысли Запада и Востока более актуально, чем прежде. В последнее время в этом направлении были сделаны определенные успешные попытки и потому необходимо их продолжить.

Свобода, по сути, имея общечеловеческое значение, почти всегда находилась в центре внимания мыслителей, как Запада, так и Востока. В этом смысле

Г. Плеханов прав, отмечая, что свобода, встав перед всеми философами, говорит им: открой мои внутренние тайны или же я, поглотив всю твою философскую систему, ее разрушу [12, с. 590]. Наряду с этим в движении и решении всех основных философских вопросов, связанных с понятием свободы (значение, основные направления, пути получения и др.), влияли и продолжают влиять определенные своеобразия, обусловленные историческими условиями, научными традициями, политическими, этническими и культурными особенностями этих регионов.

Для начала отметим, что восточные и западные понятия целесообразнее брать в значении целого региона, характеризующегося цивилизованными, историко-культурными особенностями, нежели в географическом значении.

Черты, характерные для восточной культуры и образа жизни находят свое соответствующее выражение и в отношении к идее свободы. К ним относятся: слабость воспроизводства существующих социальных

форм, устойчивость образа жизни, превосходство религиозно-мифологических представлений, регламентация способа мышления, пренебрежение индивидуальными особенностями личности, подавление её интересов внутри коллектива до полного исчезновения и пр.

В целом Восток характеризуется традицией, связанной с периодическим характером аграрного производства, являющегося основным видом занятий, замедленным утверждением новаторских тенденций, большой ролью государства (восточный деспотизм). Из-за указанных особенностей в философии и общей культуре этого региона основное место отводилось вопросам нравственного воспитания и социальной этике в поведении и поступках людей. В соответствии с этим, в целом понятие свободы тоже было направлено больше на семейные отношения, нежели общественную жизнь (особенно на первых порах). Например, в учении Конфуция, особенно прославившемся в Древнем Китае, особый акцент делался на дидактике, социальной этике [3, с. 51].

В общем, в философской мысли Востока частной собственности большого места не уделялось, основной центр тяжести был направлен на вопросы нравственной жизни личности. Например, древнеиндийский буддизм объявил целью жизни человека – его освобождение от законов кармы. Община серьезно контролировала органическую координацию этических требований и правил, направленных на освобождение от сансары и с личным чувственным желанием каждого человека, так представлялось, что только таким путем индивид может избавиться от пыток и мучений в будущем мире сансары (отбывание наказания за поступки в загробном мире) [11, с. 186].

Фактор сильной роли исламской религии, категорически регламентирующей жизнь верующей части населения Востока, создавал здесь препятствия развитию идеи свободы совести. Поэтому, народы стран Востока основное внимание направляют на организацию повседневных условий жизни, не уделяя большого места иным общим и теоретическим вопросам. Поэтому наука на Востоке развивалась слабо. Здесь, как правило, к новшествам, направленным на нарушение стабильности общества, относились с ревностью. В отличие от Запада на Востоке применялись знания, соответствующие корпоративной этике и интересам государства. Интересы же собственника-гражданина Запада играли движущую роль в развитии новых научных знаний. С другой стороны, на Западе более быстро развивалась демократия, являющаяся немаловажным залогом свободы, и это в отличие от монархии, при которой верховная власть осуществлялась единолично, давало преимущество выборным и представительным органам. Правда при этом демократия, подчиняя волю отдельного человека и меньшинства общим интересам, ограничивала свободу определенными рамками. Но все же правовые нормы содействовали обеспечению свободы в индивидуальной жизни человека.

В отношении к свободе важная положительная черта Запада заключается в том, что здесь действует совершенная система правовых норм, защищающая автономность личности, ее свободу от возможных на-

падок государства. С другой стороны, существующее государство старается реализовать равенство и свободу в индивидуальной жизни людей.

На Востоке же более широко обсуждались общие стороны, связанные с индивидуальным, личным подходом к свободе, человеческим достоинством. Это можно увидеть и в творчестве средневековых азербайджанских мыслителей. Гениальный азербайджанский поэт Низами Гянджеви в своих произведениях широко пропагандировал вопросы свободы и достоинства человека. В своей поэме «Искендернаме» он расценивал ум как источник нравственности человека, свободу же – как высшее богатство, позволяющее человеку господствовать над природой [7, с. 237].

Другая черта, проявляющаяся в восточном и западном понимании идеи свободы, связана с подходом к объяснению в ней соотношения рациональной и чувственной сторон. В западной философской мысли свобода более связывается с рациональным уровнем. Например, для Спинозы человек – раб, до тех пор, пока он не в состоянии управлять своими страстями и сдерживать их. Человек только тогда свободен и могуществен, когда руководствуется разумом [18, с. 93].

На деле в свободе в тесной связи представлены обе указанные стороны. В этом смысле прав был В. Соловьев, когда писал: «Если бы человек был только существом разумным или чистым умом, он неизбежно хотел бы во всем только величайшего блага, и все его действия были бы предопределены знанием наилучшего. Но, имея кроме ума, страстную душу, человек может, для удовлетворения страсти, предпочесть меньшее или низшее благо большему или высшему, в чем и состоит его свобода и ответственность». Далее, ссылаясь на Аристотеля, он отмечает, что «свобода воли, как обусловленная низшей стороной нашего существа, есть не преимущество человека, а лишь несовершенство его природы» [17, с. 449].

Как и на Западе, на Востоке мыслители выдвигали ряд ценных суждений относительно отношений свободы воли и причинности в понимании свободы. С этой точки зрения характерна следующая мысль азербайджанского мыслителя М. Физули: «Люди делятся на два вида: одни говорили, что мы ничего не решаем в делах... потому что вещество нашего тела изначально по сей день ... существовало вне зависимости от нас и от нашей воли. И сейчас также: у нас нет ни свободы, ни возможности вмешательства. Поэтому они в своих делах сдались судьбе. Они – сдавшиеся. Другие же говорили, что у нас есть свобода и воля в делах, если бы это было не так, мы бы не были удостоены награды или наказания, бедности, богатства. Они же – имеющие причину (обосновывающие). Большинство людей – сторонники этого убеждения и это убеждение верно» [19, с. 100].

Общее в восточном и западном подходах к идее свободы заключается и в другом. Речь идет об оценке телесных желаний как препятствий на пути подлинной свободы. Например, один из основоположников неоплатонизма Плотин подчеркивал, что свободным «мы признаем только того, кто освободясь от телесных страстей, ничем иным не управляется, кроме ума» [13, с. 267]. Позднее эта мысль была выражена в

творчестве азербайджанского мыслителя Ш. Сухраверди. В произведении «*Hikmätül israq*» он писал, что, освободившись от тела, я наблюдаю сферу света [29, с. 171]. Таким образом, как и Платон и Плотин, Сухраверди видел подлинную свободу в освобождении от телесности и слиянии с Божественным Светом.

В философских представлениях ранних периодов, как на Западе, так и на Востоке, идея свободы больше характеризовалась как удел мудрецов, нравственный идеал индивидуальности. Это было неслучайно. Это было связано с характером общественного строя и историческими условиями того периода. Так как в рабовладельческом обществе и, особенно, при феодализме вести борьбу против насилия государства во имя свободы было очень трудно, многие мыслители видели выход в обогащении внутреннего мира человека. В период феодализма на Западе влияние христианской, а на Востоке исламской религии (конечно, разным образом) на представления людей о свободе в этом направлении еще более усилилось. Неслучайно, что ранее свобода обычно носила индивидуальный характер и ограничивалась нравственной свободой, в новое время, в частности в философии просвещения, она была дополнена больше социально-политическим и правовым содержанием. Вышеуказанная тенденция наблюдалась и в философии азербайджанских мыслителей. Исследуя взгляды азербайджанских просветителей о личности, Н. Джаруллы кызы, пишет, что здесь одним из принципов, занимающих основное место, является вопрос свободы личности [10, с. 130].

Выдающийся Азербайджанский просветитель XIX века тесно связанный с передовой русской и западной культурой, М. Ф. Ахундов, не ограничивая понятия свободы в пределах одного индивидуума, относя его к обществу в целом, писал: «Наша цель возвысить флаг свободы и справедливости и дать возможность народу спокойно строить свою жизнь, овладеть благами и богатством» [2, с. 281].

В истории философской мысли особый интерес вызывает проведенный Э. Фроммом анализ эволюции идеи свободы. По его мнению, религиозная трактовка свободы, фаталистическое представление и подача свободы как субъективного ощущения и восприятия человеком являются не убедительными. Во-первых, религиозная трактовка свободы преследует цель усилить в человеке веру в божественную силу. Во-вторых, фаталистическое представление вызывает желание считать человека ответственным за свои деяния и наказывать за это. Третий довод же не убедителен потому, что многие мыслители (Спиноза, Лейбниц и др.), показав противоречивость этой позиции, отрицали ее. Э. Фромм с сожалением отмечал, что те, кто занимался указанной проблемой после, собирались решить ее без учета роли непознанных сил человеческой деятельности, не понимая невозможности этого [22, с. 89 – 90].

В восточной философской мысли еще с древних времен преимущественно существовала идея о том, что управление человеком своими чувствами, сила контроля за желаниями – основной путь его воспитания и достижения вершины нравственного совершенства. В дальнейшем эта мысль была широко распространена на востоке (например, в исламе) и, не

ограничиваясь его территорией, перешла и в западную философию. Так, вышеупомянутая идея занимает широкое место, как в философии Древней Греции, так и в западных философских учениях средних веков и нового времени, а также в современный период. Согласно этим учениям, для воспитания своих желаний, связанных со страстью, и управления ими человек должен расширить свои познавательные возможности, повысить уровень восприятия. Азербайджанский мыслитель XIII века Насреддин Туси писал: «Желание это такая вещь, что если ему предоставить свободу, то оно склонится к низости и окажется в болоте, если же обуздать его и направить в нужное русло, то оно, завоевав вершины добродетели, достигнет совершенства» [9, с. 53]. Вопрос отношения желания человека и свободы на Западе ставился несколько иначе. Здесь эти понятия зачастую брались как чувство и желание. Например, Спиноза, в своем творчестве широко описывающий отношение свободы и необходимости, говоря о детерминизме, имел в виду естественные телесные чувства и инстинкты. По его мнению, чувства и страсть, подчиняя себе человека, не позволяют ему действовать в соответствии со своей сутью и своими истинными интересами [18, с. 104].

В целом в западной философии доминировало рационалистическое понимание свободы. Наглядным свидетельством этого являются взгляды представителей немецкой классической философии на проблему свободы. Так, с точки зрения Гегеля, связывавшего всемирную историю со свободой, историческое развитие есть не что иное, как эволюция в сознании свободы [5, с. 29].

Связывая свободу с развитием форм государства, Гегель отмечал, что прогресс в осознании необходимости осуществляется как история перехода от менее свободных форм государственного устройства к формам все более свободным. По его мнению, прогресс свободы по сути совпадает с прогрессом демократизации форм государственного управления [6, с. 422]. Обращая внимание на это, В. Асмус отмечал, что Гегель, в отличие от этиков античности, а также Спинозы, Фихте и Шеллинга, не считал свободу уделом лишь интеллектуальной элиты, а распространял ее на широкие массы [1, с. 16].

Следовательно, гегелевское понимание свободы значительно отличалось от понимания античных философов и их ближайших предшественников. Догегелевская философия рассматривала свободу как достояние лишь мудрецов, философов. Считалось, что только мудрецы и философы способны возвыситься до уровня познания необходимости, то есть до ступени свободы. Гегель же на примере современной ему Германии показывал, что свобода может найти воплощение у всего народа. В целом те или иные идеи Гегеля относительно сути свободы не утратили своей актуальности и сегодня. Но из сказанного не следует, что сегодняшнее понимание свободы не отличается от понимания ее философами прошлого. Между ними имеются серьезные отличия, обусловленные спецификой исторического периода и уровнем развития познания. Немалую роль в этом сыграли прогрессивные тенденции в развитии самой философии. В качестве примера можно отметить расширение и демократиза-

цию наряду с другими идеями и идеи свободы. Так, в античной философии свобода относилась не к обществу в целом, а к группе людей. Сократ, Платон и другие видные мыслители того времени говорили, что свободным может быть лишь мудрец [4, с. 164].

Анализируя эволюцию идеи свободы в контексте Восток-Запад, было бы неправомерно не отметить в этом процессе роль религии, поскольку на формирование идеи свободы в истории философской мысли обоих регионов в те или иные периоды существенное влияние оказывала религия. Проблема свободы широко обсуждалась еще в учениях средневековья, возникших на почве исламской религии. Основной спор развернулся между джабаритами и кадаритами. Стронники первого учения утверждали, что свободы воли нет, поскольку, создавая человека, Бог predetermined все его добрые и злые поступки. Как видно, они пропагандировали фатализм, идею predeterminedности судьбы. В противовес этому кадариты показывали, что нужно признавать свободу воли, иначе складывается впечатление, что грехи людей также predeterminedены Богом, а, значит, они не ответственны перед ним [27, с. 17, 18].

Необходимо отметить, что на Западе и Востоке нет однозначного подхода к оценке содержания и характера влияния религии на свободу. Так, в одних подходах отмечается положительная роль религии в развитии свободы, в других акцент делается на ее консервативной роли в этом процессе. Вместе с тем следует подчеркнуть, что вторая тенденция более характерна для западной философской мысли. Например, Б. Рассел в работе «Почему я не христианин» писал: «Завоевывать мир разумом, а не рабской покорностью перед теми страхами, которые он порождает». Связывая религию с древними восточными деспотиями, он отмечал: «Вся концепция бога является концепцией, перенятой от древних восточных деспотий. Это – концепция, совершенно недостойная свободных людей... хорошему миру нужны бесстрашный взгляд и свободный разум [15, с. 113].

При оценке данной мысли следует отметить, что Рассел обобщает занимаемую христианством в этом вопросе негативную позицию, считая это характерным и для восточных религий. На наш взгляд, это – ошибочное мнение. На деле в представлениях ислама и других восточных религий о свободе за мистической стороной, связанной со слиянием с Божественной Истиной, стоит глубокая вера и необходимость ее обретения, что недооценивать было бы несправедливо.

Анализ эволюции идей свободы в восточной и западной мысли предполагает учет следующего момента. Речь идет о том, что решение проблем существующего общества, восточная философия искала в личных качествах правителя. Доказательством тому являются труды, например, Н. Гянджеви. Но в литературной мысли образ справедливого шаха разрабатывался и до Гянджеви. Представлялось, будто благодаря справедливому и умному правителю в обществе воцарятся равенство и свобода. В отличие от этого в западном мире такие надежды связывались с саморазвитием человека, совершенствованием политической

системы, созданием формы государства, выражающей мечты и чаяния народа.

На Западе особое внимание уделялось осмыслению видов свободы – правовой и фактической. Значительное место этой теме отведено в творчестве Лейбница. По его мнению, правовая свобода носит формальный характер. Вместе с тем при определенной угрозе свободе индивидов она играет роль важную роль, так как помогает пользоваться правами, предусмотренными в законе. Особенно отчетливо это видно на примере стран с развитой правовой системой.

Наиболее важное место Лейбниц отводил фактической свободе. По его мнению, эта форма свободы подразумевает рассмотрение средств, необходимых для реализации воли и, в частности, свободу пользования нашим телом. Отсутствие препятствий тому или иному индивиду со стороны других еще не есть подлинная свобода, так как в этом случае свобода спонтанна по своей природе. Подлинная же свобода предполагает всесторонне обдуманную деятельность [8, с. 74].

Интерес представляют рассуждения о свободе видного представителя западной философии А. Шопенгауэра. Мыслитель, считавший, что в основе всего лежит воля, представлял свободу как отсутствие препятствий. В зависимости от характера препятствий Шопенгауэр различал три формы свободы (физическую, интеллектуальную, моральную). Физическая свобода характеризуется Шопенгауэром как отсутствие всяких препятствий. «И народ называют свободным, – пишет А. Шопенгауэр, – понимая под этим, что он управляется только по законам, которые он сам себе дал – ибо в этом случае он всюду соблюдает лишь свою собственную волю». Две следующие формы свободы также имеют, по мнению Шопенгауэра, важное значение, но понять их значение значительно сложнее [24, с. 44, 45].

Широко распространившаяся на Западе традиция определять свободу как познанный необходимость получила дальнейшее развитие в трудах известного философа XX века К. Ясперса. По его мнению, фактическая свобода человека тесно связана с познанием им возможности свободы. С другой стороны, свобода, по Ясперсу, неотрывна от целей человека. В целом, согласно мнению Ясперса, фактическая свобода характеризуется тем, как человек воспринимает мир. Это качество позволяет человеку преодолевать возможные опасности, осознать свои успехи и неудачи, в результате чего он обретает свое «Я» [26, с. 75].

Таким образом, Ясперс понимает реализацию идеи свободы как познание возможности свободы. Поэтому человеку, не постигшему идею подлинной свободы, обрести ее фактически будет крайне сложно.

Нужно отметить, что широкое место в западной философской мысли отводится и обсуждению причин, порождающих свободу. Обращая внимание на это, Э. Фромм писал: «Протестантство дало толчок духовному освобождению человека. Капитализм продолжил это освобождение в психологическом, социальном и политическом плане. Экономическая свобода была основой этого развития... Индивиду было дозволено и от него ожидалось, что в своих собствен-

ных экономических делах он достигнет тех высот, до каких позволят ему подняться его усердие, ум, храбрость, бережливость или удача» [22, с. 96].

Западная модель свободы характеризуется также тем, что здесь особое значение придавалось обеспечению согласования индивидуальных и общественных интересов. Представлялось, что реализованные таким путем индивидуальные свободы и интересы служат социальному прогрессу. Следует отметить и тот факт, что идея непротиворечия индивидуальных и общественных интересов в западной философии не так уж нова. Этот вопрос был всесторонне рассмотрен еще Дж. Локком [28, с. 593]. Нет сомнения, что идея эта – достаточно прогрессивная. Так, при наличии соответствия и гармонии между индивидуальными и общественными интересами люди не относятся к социальным нормам как к правилам, ограничивающим их свободы. Социальные нормы представляют собой необходимые правила, призванные рационально регулировать деятельность людей. Функционирование системы социальных норм способствует стабильности общественных отношений.

В определенных случаях понимание свободы на Востоке и Западе проявилось в двух крайних формах. Так, на Востоке абсолютизировались духовное бытие и духовная свобода человека. В противовес этому на Западе акцент делался на материальной независимости человека. Следует отметить, что оба подхода страдают односторонностью, а потому являются ограниченными. В отрыве друг от друга они не в состоянии отразить свободу во всей ее полноте. Необходимо помнить, что человек есть, с одной стороны, духовное, с другой, – телесное бытие. Он живет и действует в определенной социально-политической среде, находясь в многосторонних связях с другими людьми. Здесь господствуют определенные законы, оказывающие влияние на свободу, и без их учета понять истинную суть свободы невозможно.

Как видно, основное отличие между пониманием свободы на Востоке и Западе проявляется в соотношении индивидуальных и социальных видов. Так, в первом регионе преимущество отдается индивидуальной свободе, во втором же – социальной свободе. Эта односторонность соответствующим образом указывает на недостатки в образе мышления и мировоззрения. С этой точки зрения нельзя не согласиться с нижеследующим мнением С. Халилова: «Трудности в создании из восточных людей разного настроения целостной системы на основе единого проекта снижают ценность восточного человека. Однако, с другой стороны, мысль, что западный человек – стандартный кирпич, вышедший из трафарета (шаблона) единой идеи (конституция, право, формальная логика и т. д.) является недостатком точки зрения Востока» [23, с. 171].

Таким образом, Восток и Запад выступают как две различные, своеобразные модели единого общечеловеческого процесса самопознания, стоящие иногда в отношении друг к другу на альтернативных позициях. Исследователи, сравнивающие мышление Востока и Запада, уделяя внимание этому моменту, порой слишком его преувеличивают. Они так ставят вопрос, якобы реальная свобода состоит лишь из

внутренней свободы, политическая (внешняя) свобода является продуктом абстрактного мышления и механическим понятием, не связанным с жизнью [20, с. 21].

По нашему мнению, неправильно противопоставлять эти два основных вида свободы, так как они находятся в тесной связи друг с другом. Индивидуальная свобода (свобода личности) является очень важным фактором и показателем нравственного и общего развития человека. Наряду с этим, в обществе политические свободы (общественная свобода) тоже играют большую роль. Способность индивидов, взятых в масштабе общества, реализовывать свободу в своих мыслях и деятельности, во многом зависит именно от уровня развития общества. Как и в понимании многих других вопросов, своеобразие между этими регионами в толковании свободы, проявляется также в нижеследующем моменте. Можно констатировать, что на Западе общество в целом, в том числе и идея свободы, опирается больше на рациональный образ мышления, здесь чувства и желания людей не учитываются должным образом. В отличие от этого, в образе жизни и мышления Востока эмоциональная сторона имеет приоритет, а рациональность находится в ограниченном масштабе.

В связи с этим необходимо отметить, что общие успехи, завоеванные современными западными странами были достигнуты за счет рационального мышления. Было бы несправедливо отрицать это. В вопросах, связанных со свободой, это выражается в регулировании общественных отношений, внедрении рациональной и эффективной правовой системы, соблюдении принципа верховенства закона, увеличении рационального оценивающего влияния на желания индивида. Все это (соотношение индивидуальной чувствительности с социальной необходимостью, внедрение правовых норм, единых социальных стандартов и пр.) наряду с обеспечением общей стабильности в обществе защищает свободу того или иного человека от возможных посторонних вмешательств. Однако нельзя не замечать и негативные последствия данной формы свободы. Условная и категорическая связь рационального способа мышления с нормативно-правовой системой свободы носит ограниченный характер. Не случайно, что в последнее время некоторые западные мыслители также защищают данную идею. Например, известный психолог К. Юнг, указывает, что «освобождение сознания западного человека от напора иррациональных и чувственных качеств произошло за счет нарушения целостности личности. Сегодня наряду с дисциплинированностью, организованностью и рациональностью мы стали примитивными существами, выкроенными воспитанием и культурой и обладающими рабской психологией» [25, с. 25].

Сказанное доказывает, что в постановке и решении проблемы свободы неправильно слишком преувеличивать роль Запада, и в данном отношении отрицать имеющиеся недостатки. Например, господство на Западе технологического, экономического и правового рационализма, кризис индустриального общества и массового потребления сопровождаются уменьшением веры в доброжелательность, духовное развитие и внутреннюю свободу. Под влиянием развития ры-

ночных отношений, частной собственности и свободного соперничества доброжелательное отношение к человеку, сочувствие его внутренним страданиям, честность и другие подобные качества временами отходят на второй план. В итоге создается угроза исчезновения объединяющей общество общей духовной основы, распространяются эгоизм и индивидуализм.

По мнению Б. Рассела, отмечающего в свободе не только роль рациональных, но и иррациональных и духовных сторон, люди лучше понимают друг друга и чувствуют свою свободу благодаря духовным сторонам жизни. Из-за того, что свобода находится за пределами рациональной сферы, ей нельзя дать рациональное определение, поэтому мы должны удовлетворяться лишь определенными ее проявлениями [14, с. 451].

Общая правота вышеизложенного мнения не вызывает сомнений. Однако трудно согласиться и с тем, что свобода слишком далека от рациональной сферы, так как научное понимание свободы охватывает в себе взаимовлияние рациональных, интеллектуальных и умственных сторон с чувственными, эмоциональными и иррациональными сторонами.

В отличие от Запада на Востоке, можно сказать, духовно-нравственные стороны свободы всегда были выдвинуты на передний план. В связи с господством такого образа мышления и мировоззрения на протяжении многих веков здесь борьба за политическую свободу была более слабой по сравнению с Западом. В итоге правовые механизмы защиты прав человека развились недостаточно.

В то время как на Востоке приоритетным являлась внутренняя свобода субъекта, на Западе идея свободы была направлена в политическое русло. Отмечая этот момент, Т. Фольконар писал: «Представители либеральной мысли Джон Стюарт Миль, включая и Исайю Берлина, дали большой толчок развитию теорий политических свобод. Однако о самоосвобождении они ничего не писали» [20, с. 20].

Нужно принимать во внимание, что настоящая свобода более проявляется в расширении границ внутренней свободы, нежели в свободе внешних действий и поведения. Вместе с этим очень важно присутствие в общем содержании свободы и политических свобод, в противном случае возможности свободного мышления постепенно станут уменьшаться и, в конце – концов, сойдут на нет. Из сказанного становится ясно, что даже в период реализации политических и правовых свобод нельзя забывать о внутренней свободе, и нужно заботиться о ее развитии.

Сравнительный анализ отношений к свободе в этих двух регионах показывает, что на Западе основными критериями свободы являются богатство, частная собственность и рационализм, а на Востоке – духовная свобода человека, моральные и эмоциональные ценности. С этой точки зрения внимание привлекает следующая мысль Т. Фольконара: «На Западе мы потеряли основные критерии, кроме денег и ценностей, приобретаемых за счет ума. А на Востоке освобождение или внутренняя свобода во все времена были высшей целью и внутренней ценностью свободы. А то, насколько обычную и бедную жизнь ведет человек, здесь особой роли не играет. Достижение свобо-

ды для него ценней материальных богатств» [20, с. 167].

В общем, авторы, проводящие социологический анализ систем ценностей, которыми владеют Восток и Запад, пришли к выводу, что на Востоке приоритетное положение занимают такие качества как коллективная ответственность, скромность, уважение к старшим, патриотизм, уважение к матери и авторитетизм. В отличие от него, система ценностей Запада основывается на индивидуальности, деньгах, рационализме, попытке показать свое превосходство, агрессивности, уважение к молодежи, обеспечение в обществе равноправия женщин и других ценностях [16, с. 11]. Эта разница находит свое выражение в отношении к свободе. Материальные и духовные стороны в человека неразделимы. В этом смысле процесс удовлетворения материальных нужд требует организации производства и социальных отношений, правил совместного проживания, в большей степени рациональных принципов. С этой точки зрения во всех сторонах общественной жизни, было бы несправедливо отрицать важную роль здравого смысла, рационализма. Однако так как сущность человеческого рода больше выражена в его духовном существовании, то в его свободной жизнедеятельности особое положение занимают иррациональные моменты, чувства, эмоциональное состояние. В этом смысле ограничение на каждом шагу индивидуальной свободы, чувственной, волевой активности человека не может быть приемлемым. С другой стороны, если недостаточно оценивать потенциальные превосходства и возможности рационализма в свободе в организации форм общественной и индивидуальной жизни, это приведет к нежелательным результатам. Из этого становится ясно, что духовная свобода и материально телесная свобода на первый взгляд отличаются друг от друга, но, если внимательно присмотреться, они находятся во взаимодействии и единстве, при этом они дополняют друг друга. Если сказать другими словами, в восточной философии мысли, направленные в собственный мир человека, умение бороться против собственных страстей, несмотря на всю их важность, не являются достаточными для полной свободы, потому что свобода не может быть адекватна пониманию этого слова в обществе, в котором свободе нет места, так как за поведением и поступками индивида существует тотальный контроль. Свобода (т. е. внешняя свобода), обеспечения на правовом и юридическом уровне и стоящая на высшем уровне в западном образе мышления, не соответствует настоящим идеалам этого понятия. Значит, свобода, олицетворенная существующими юридическими системами и не опирающаяся на духовные взаимоотношения и нравственные нормы между людьми, является слабой и нудной. Точно также свобода, взявшая за основу порывы чувств и пренебрегающая рациональными моментами, не может считаться нормальной для общества. Это еще раз доказывает то, что необходимость синтеза особенностей понимания свободы, выявленных в западной и восточной философской мысли, является единственным эффективным путем в реализации идеала свободы всего человечества.

Начиная с XX века идеи о формировании единой общей истории и единства человечества в широком понимании все больше овладевают сознаниями людей. В таких условиях мысль о противостоянии и изолировании друг от друга восточной и западной цивилизаций не оправдывает себя. Все яснее выявляется необходимость обмена превосходными качествами, присущими странам и народам, живущим в этих двух регионах. Ускорение процесса формирования общечеловеческих ценностей, занимающих очень важное место в идее свободы, настойчиво требует проведения диалога, интересы которого указаны. Анализ показывает, что эволюция идеи свободы не прошла одинаково равномерный и прямолинейный путь развития в этих двух регионах. Также можно увидеть, что в разные периоды истории то Восток, то Запад играли ведущую роль в толковании вышеуказанной проблемы.

Значит, существует острая необходимость в обобщении и синтезе достижений в толковании свободы в философской мысли этих регионов и положительного исторического опыта, приобретенного в современных условиях. Достижение их оптимального синтеза оказало бы ускоряющее воздействие на процесс формирования системы общечеловеческих ценностей, а свобода, взятая в полном понимании этого слова, заняла бы здесь центральное место. В результате ускорилось бы приближение человечества к общим идеалам свободы. Надо отметить, что уникальное геополитическое положение свободной Азербайджанской Республики, ее богатая история и культурные традиции, многовековой опыт в борьбе за независимость являются важными условиями для усиления ее роли в современном диалоге Восточной и Западной цивилизации, духовных ценностей и культур.

Литература

1. Асмус, В. Ф. Диалектика необходимости и случайности в философии истории Гегеля / В. Ф. Асмус // Вопросы философии. – 1995. – № 1.
2. Ахундов, М. Ф. Избранные философские произведения / М. Ф. Ахундов. – Баку: Язычы, 1954. – 412 с.
3. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли / Л. С. Васильев. – М.: Мысль, 1989. – 259 с.
4. Виндельбанд, В. История философии / В. Виндельбанд. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560 с.
5. Гегель, В. Сочинения / В. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – Т. 8. – 583 с.
6. Гегель, В. Лекции по философии истории / В. Гегель. – М.; СПб.: Наука, 2001. – 431 с.
7. Гянджави, Н. Искендернаме / Н. Гянджави. – Баку: Язычы, 1970. – 328 с.
8. Лейбниц, Г. В. Сочинения: в 4 т. – Т. 4 / Г. В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1989. – 487 с.
9. Насиреддин, Туси. Ахлаги-Насири / Т. Насиреддин. – Баку: Азернешр, 1989. – 312 с.
10. Нигяр, Д. кызы. Концепция личности в философско-литературной мысли / Д. кызы Нигяр. – Баку: Гюнеш, 2000. – 447 с.
11. Основы философии / под ред. Е. Попова. – М.: Наука, 1998. – 477 с.
12. Плеханов, В. Г. Избранные философские произведения: в 5 т. – Т. 5. – М.: Мысль, 1956. – 590 с.
13. Плотин. Избранные трактаты / Плотин. – Минск: Харвест, 2001. – 320 с.
14. Рассел, Б. Мудрость Запада: историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами / Б. Рассел. – М.: Республика, 1998. – 478 с.
15. Рассел, Б. Почему я не христианин / Б. Рассел. – М.: Политиздат, 1987. – 334 с.
16. Ситарам, К. Основы межкультурной коммуникации / К. Ситарам, Г. Когделл // Человек. – 1992. – № 4. – 814 с.
17. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2 т. – Т. 1 / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – 510 с.
18. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза. – Минск: Литература, 1998. – 548 с.
19. Физули, М. Избранные произведения: в 5 т. – Т. 5 / М. Физули. – Баку: Эльм, 1985. – 216 с.
20. Фольконар, Т. Творческий интеллект и самоосвобождение: корзыбское, неаристотелевское и Восточное сознание / Т. Фольконар. – М.: КСП+, 2003. – 286 с.
21. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
22. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
23. Халилов, С. Восток и запад: к общечеловеческим идеалам: философские этюды / С. Халилов. – Баку: Азербайджанский университет, 2004. – 624 с.
24. Шопенгауер, А. Две основные этики: афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауер. – Минск: Попурри, 1997. – 592 с.
25. Юнг, К. Йога и Запад: сборник / К. Юнг. – Львов: Инициатива, 1994. – 376 с.
26. Ясперс, К. Всемирная история философии / К. Ясперс. – М.; СПб.: Наука, 2000. – 272 с.
27. İmanov, N. Orta əsr İslam Şərqində fəlsəfi fikir / N. İmanov, A. Əhədov. – Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 1998. – 192 s.
28. Russel, B. History of Western Philosophy / B. Russel. – London: Routledge, 1999. – 842 p.
29. Suhravardi. The philosophy of illumination. – Brigham Young University Press, Provo, Utah, 1999. – 378 p.

Информация об авторе:

Аллахвердиев Гариб Вели оглы – кандидат философских наук, доцент Нахчыванского государственного университета, г. Нахчыван, Азербайджанская республика, 994 50 778 76 01, g.allahverdiyev@yandex.ru.

Qarib V. Allahverdiyev – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at Nakhchivan State University, Nakhchivan, Republic of Azerbaijan.